

АНДРЕЙ КОНСТАНТИНОВ
БОРИС ПОДОПРИГОРА

**ЕСЛИ
КТО
МЕНЯ
СЛЫШИТ**

Легенда крепости Бадабер

Москва
Издательство АСТ
 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К65

Дизайн обложки Юлии Межовой

ISBN 978-5-17-186111-7

© Андрей Константинов, текст, наследники, 2026
© 000 «Издательство АСТ», 2026

Русским военным разведчикам,
не вернувшимся с боевых заданий, –
памятника нет.
Помни их, Родина...

ЧАСТЬ I ВИИЯ

1

С раннего детства обнаружилась у Бори Глинского одна любопытная особенность – он совершенно не тяготился одиночеством. Нет, мальчишка рос совершенно нормальным, мог и со сверстниками поиграть во дворе, и взрослых не дичился, в общем, как бы выразились во времена уже не советские, «аутизмом и социопатией» не страдал. Но супругам Глинским частенько приходилось оставлять малыша дома совсем одного – в тех замечательных местах, где прошло дошкольное детство Бориса, с детскими садами и яслями были, мягко говоря, проблемы. Отец Бори, Владлен Владимирович, получил к моменту рождения наследника звание подполковника. Кадровый офицер-фронтовик – на его кителе, помимо прочего, были нашиты две красные и одна желтая нашивки за ранения, – Глинский-старший, как выражались в те далекие годы, «ковал ракетный щит Родины». А мама Бориса, Надежда Михайловна, была врачом. Причем потомственным.

Так вот, поскольку до полковничьих звезд Владлена Владимировича семья Глинских систематически меняла полигоны – «почтовые ящики», Боре действительно часто приходилось оставаться одному в служебной квартире – отец, ясное дело, с утра до ночи на службе пропадавал, а маму частенько дергали, потому что в тех укромных местах хороших солдат и офицеров было во много-много раз больше, чем хороших врачей. Так что Надежда Михайловна, официально не

работавшая, была более чем востребована и авторитетом пользовалась чуть ли не таким же, как подполковник Глинский. И если поначалу, убегая на вызов, Надежда Михайловна как-то пыталась пристроить малыша какой-нибудь офицерской жене-соседке, то вскоре, после пары безвыходных ситуаций, она заметила, что ее Боренька может замечательно поиграть дома и один. Сын спокойно находил себе какие-то занятия, не кричал, не плакал, не разбрасывал вещи и не бил посуду – в общем, не выказывал свой детский протест. А ведь Надежде Михайловне, бывало, приходилось убежать не на пару часов, а аж на полдня – и ничего. Однажды (Боре тогда исполнилось пять) Глинскую слезно умолили выехать на сложный случай километров за шестьдесят от гарнизона. На обратном пути Надежда Михайловна уже вся просто извелась в мыслях о не кормленном, брошенном ребенке. Но когда она вбежала в квартиру, маленький Боря сидел за столом и ел борщ, который умудрился и сам разогреть на плите, и аккуратно налить себе из кастрюли в мисочку. Правда, эту мисочку из-за ветхости накануне отдали коту-персу по кличке Слон. Надежда Михайловна только ахнула, а ночью с гордостью рассказывала все мужу. Глинский-старший лишь одобрительно хмыкнул.

В одиночестве и тишине Боря подолгу рассматривал награды на парадном отцовском мундире. Их было много, только орденов Красной Звезды целых три, а уж медалей... Боря осторожно дотрагивался пальчиками до орденов и грезил, пытался представить себе подвиги, совершенные отцом. Дело в том, что Владлен Владимирович категорически не любил говорить о войне и от вопросов сына, типа «пап, а за что тебе вот этот орден дали?», либо отшучивался, либо отмахивался. Боря сначала обижался, а потом привык, расспрашивать перестал, зато научился фантазировать, рассматривая награды. Они казались ему невероятно красивыми. Красивее, чем елочные игрушки.

У мамы, кстати, тоже были награды с войны – две медали: «За взятие Будапешта» и «За победу над Германией».

Они лежали в бархатной коробочке из-под часов в комод, но Надежда Михайловна их почему-то никогда не надевала. Никогда. Даже на 9 Мая. Даже когда однажды отец ее осторожно попросил об этом. Глинская лишь покачала головой, и отец, вздохнув, сменил тему. Войну Надежда Михайловна тоже вслух почти не вспоминала, и Борис лишь случайно, когда в гости к Глинским пришли давние сослуживцы, за шумным застольем узнал, что родители его познакомились как раз на войне. Потом историю их знакомства и развития отношений Борис складывал буквально по крупицам из обрывков разговоров, из найденных все в том же комодке нескольких писем, почему-то сложенных треугольниками. Спрашивать напрямую Борис стеснялся. Постепенно в его голове укоренилась такая версия: мама была медсестрой и познакомилась с отцом, когда вытаскивала его, раненого, с поля боя. Много позже выяснилось, что все было не так. Уже заканчивая школу, Боря узнал, что родителей мамы, врачей, репрессировали накануне войны. Саму Надежду Михайловну, можно сказать, спас фронт. Отношения с Глинским у нее завязались еще до его тяжелого ранения. А потом они надолго потеряли друг друга из виду. Владлен Владимирович кочевал по госпиталям, а в жизни мамы появился другой человек, тоже офицер. Он погиб в сорок пятом – как раз под Будапештом. Как маме, дочери сразу двух «врагов народа», удалось восстановиться в мединституте, Борис так и не узнал. Вроде какой-то генерал – начмед фронта помог...

А потом они снова встретились уже в начале пятидесятых. Над Надеждой Михайловной тогда сгустились тучи. Она однажды дежурила по госпиталю и, чтобы скоротать время, позвонила знакомой провизорше в аптеку. Аптеки, кстати, тогда дежурили круглосуточно, и их, что любопытно, сплошным образом телефонизировали. Так вот, аптекарша продиктовала Наде ребус-шараду:

– Нарисуй рожицу с волосами. Над ней – утюг... Нарисовала?

– Ну...

- А внизу напиши: «папа-мама».
- Ну написала...
- А теперь оба этих слова жирно зачеркни.
- Зачеркнула.
- И что получилось?
- Да ничего. Глупость какая-то.
- Нет. Подумай.
- Любка, хватит! Что тут думать?
- Ну ладно. Смотри: «папу-маму» зачеркнули, значит, наша рожица – безродный. Поняла?
- Ну и...
- А утюг над волосами – это он «космы палит». Поняла? Получается «безродный космополит».
- Ой, и дурная же ты, Любка! Дошутишься...

А с «безродным космополитизмом» тогда боролись со всей, можно сказать, классовой беспощадностью. Бумажка же с записанной шарадой попала на глаза кому-то «бдительному». А госпиталь, где работала Надежда Михайловна, обеспечивал центральный аппарат Министерства обороны. И, в общем, сначала-то закрутилось все совсем нехорошо. Но потом несчастье помогло последующему счастью. Знакомый военный контрразведчик рассказал за рюмкой Глинскому смешной эпизод с шарадой и дурой-врачихой. Прозвучала и фамилия. Владлен Владимирович сначала решил, что это просто совпадение – однофамилица. Мало ли в России Фирсовых!

Но не поленился уточнить. Оказалось – «раннефронтая» любовь. Спас ее в итоге фронтовой командир Глинского, ставший уже маршалом. А фамилия у маршала была Неделин. Вот так. Ни много ни мало.

Неделин, кстати говоря, и свадьбу-то практически в приказном порядке устроил. Он любил и ценил Глинского, а потому сказал как отрезал:

– Вот что, майор, заканчивай с холостой жизнью. Одни бабы после войны, холостяк в наше время – это, считай, неосознанность, недопустимая для офицера и коммуниста.

Бери свою несознательную докторшу – и в ЗАГС, перевоспитывай! А там я найду куда тебя направить...

И ведь направил же. Не обманул. Полигонной житухи Глинские похлебали полным лаптем. Но в первый класс школы Боря, сын полковника Глинского, пошел уже в Москве, куда перевели отца. Если кто-то решит, что жить семье стало легче, то ошибется: папу Боря, считай, совсем перестал видеть, потому что Владлен Владимирович постоянно летал на транспортниках Ли-2 «по ленинским местам». Глинский все время «выбивал-проталкивал» какие-то «изделия» для Ленинска. А Ленинском тогда именовался, между прочим, космодром «Байконур».

Надежда Михайловна дома тоже не рассиживалась: в Москве она наконец начала серьезно работать по специальности, и, надо сказать, не без карьерных успехов – когда Борю принимали в пионеры, у него уже не только отец стал генералом, но и мама заведовала отделением в Центральной клинической, что во врачебной среде котировалось весьма и весьма.

Впрочем, Борису и в голову бы не пришло хвастать положением своих родителей перед одноклассниками. Научиться чванству у отца или матери он не мог по определению. Мать обладала хорошим чувством юмора, и к тому же в ее шутках постоянно сквозила самоирония. А ведь известно же, что у людей хвастливых и чванливых, ужаленных «звездухой», как правило, и с чувством юмора плохо, и с самоиронией вообще никак. Не иронизировала она, лишь когда подпевала под музыку из радиоприемника (потом это назовут «караоке»): «Эй, веселей запевайте вы, соколы, Армии Красной сыны».

Отец же... Он, конечно, шутил редко, был скорее суховатым человеком, но на шуточные подколки супруги реагировал адекватно, улыбался и хмыкал. Смеяться он почти не умел. Глинский-старший очень был похож на главного героя фильма «Офицеры» – не внешне, а по манерам и характеру. Парадокс заключался в том, что этот фильм отец почему-то не любил. Вернее, Борису так казалось, что не любил,

потому что вслух своего мнения о фильме генерал никогда не высказывал.

Владлен Владимирович вообще не очень любил кино, в отличие от Надежды Михайловны, которая хоть и норовила высмеять почти каждую новую ленту, но при этом старалась не пропустить ни одну знаковую премьеру. Компанию ей в основном составлял, конечно же, Боря, достаточно рано приравнявшийся из-за этого к «взрослому» кинематографу. Изредка, но все же бывало, что семья Глинских ходила в театр или в кино, так сказать, в полном составе. Один такой совместный культпоход почему-то навсегда врезался Борису в память.

Это была премьера нового фильма о войне по повести очень известного советского писателя-фронтовика. В ней рассказывалось о том, как два артиллерийских взвода держались против немецких танков. Глинские – отец и мать – оба читали эту повесть и даже спорили о ней однажды на кухне за ужином. Надежда Михайловна, как всегда, иронизировала, а генерал же не соглашался с ней и особенно напирал на то, что «с чисто военной точки зрения ситуация изложена правильно».

Вот Надежда Михайловна и расстаралась достать билеты на премьеру экранизации – мужу редко что-то нравилось из художественной литературы.

Боре фильм очень понравился. У него даже в глазах защипало в конце, когда почти все «наши» погибли. А вот генерал Глинский весь сеанс хмыкал и ерзал, бросая сердитые взгляды на жену, многократно всхлипывавшую на протяжении фильма. Боре, правда, показалось пару раз, что мать всхлипывает от смеха...

Когда они вышли из кинотеатра, Владлен Владимирович что-то сердито пробубнил себе под нос и закурил. Боря дернул его за рукав шинели и громко спросил:

– Пап, а тебе понравилось? Мне – очень! А правда, они здорово жгли эти танки?

Генерал Глинский нахмурился и кивнул:

– Правда. Здорово.

Потом он помолчал, несколько раз куснул бумажную папиросную гильзу и добавил:

– Только так танки не жгут.

– Почему? – не понял Боря.

– Ну потому что не получалось их так жечь, – пожал плечами отец, явно не желавший давать более развернутые комментарии. Надежда Михайловна не выдержала и всхлипнула еще раз:

– Ой, не могу! Как ты тогда говорил: «С чисто военной точки зрения...»

– Так это ж я про то, что написано было, а не про то, что снято. Написано было правильно.

– Да-да-да, – притворно согласилась мать, блестя глазами. – Особенно про любовь. Так трогательно. И главное, так достоверно. Прямо вот смотрела я на эту медсестричку и себя вспоминала.

– На-а-а! – сердито дернул седым усом генерал.

– Ну да, – хмыкнула Надежда Михайловна. – Любовь на войне – это вопрос не военный, а гражданский.

Вроде бы даже какой-то подтекст был в этой ее реплике, потому что генерал как-то странно отвернулся и, явно чтобы сменить тему, сказал Борису:

– Больше читай, Боряша. Режиссеры, как правило, портят хорошие книжки.

Надежда Михайловна мужа поддержала:

– Не всегда, но часто. А исключения только подтверждают правила. Если научишься правильно читать – будешь свое кино снимать и видеть.

– Как это? – не понял Боря.

– Очень просто. Читаешь и перестаешь видеть буквы, видишь героев и то, как разворачиваются события. Как будто в голове свой собственный фильм снимаешь. Воображение начинает стимулировать работу мозга. Вообще, сынок, чтение – это единственное, что по-настоящему развивает мозг. Это я тебе как врач говорю. Неплохо бы эту истину усвоить и ряду товарищей с военной точкой зрения.

– А вот когда мне читать? – взвился Владлен Владимирович.

– А с чего ты взял, что я именно и только тебя имела в виду? – мгновенно парировала мать.

– А... А кого тогда еще? – обескураженно спросил «попавшийся» генерал, и Надежда Михайловна звонко рассмеялась. Боря тоже заулыбался, он посмотрел на раскрасневшуюся мать и подумал, что она очень красивая и совсем даже и не старая...

С этого разговора, наверное, и вошли по-настоящему в жизнь Бориса книги. Тем же вечером, после возвращения из кино, он попробовал «читать с воображением». У него как раз не очень шел «Том Сойер» Марка Твена – все никак не мог «домучить» книжку. Теперь же Боря попробовал представить себе героев вживую, подарить им лица и голоса... И ведь получилось! Не сразу, но спрятанные в строчках люди стали вдруг оживать в голове у мальчика. Постепенно он научился слышать и видеть сквозь строчки, а иногда ему даже чудились запахи той, другой жизни...

Книги так быстро «зацепили» Бору, что родители только удивлялись. Мальчик, по-прежнему не тяготясь одиночеством, читал все подряд. Он разваливался на большом диване, обкладываясь книгами и... понятия «отбой» не ведал. Читал даже предисловия к каким-то техническим справочникам. У него появилась странная манера читать по несколько книг одновременно.

Отец этого совершенно не понимал, считал, что сын дурачится, и даже пытался проверить Бору на предмет усвоения прочитанного – в том числе и по техническому справочнику. Результаты проверки генерала очень удивили. Сын подробно и толково пересказал куски из разных книг. А по справочнику забросал отца вопросами.

Надежду Михайловну же странная манера Бориса читать несколько не тревожила. По крайней мере «как врач» она в этом ничего опасного не видела.

Правда, ограничивать Бориса в чтении все же через некоторое время пришлось. Дело в том, что, как ни странно, любовь (скорее даже страсть) к книжкам не лучшим образом сказалась на успеваемости в школе. Боря как-то разом «просел» почти по всем предметам, за исключением литературы и истории. Да и, пожалуй, диктанты он стал писать лучше. А вот математика, физика, биология и даже физкультура...

В общем, кончилось все визитом классной руководительницы Веры Васильевны к Глинским домой. И надо же как не повезло Боре: отец как раз дома был – редкий случай...

Родители долго пили чай на кухне с Верой Васильевной. О чем они говорили, Боря не слышал – его выставили за дверь кухни сразу же, но он понимал, что ничего хорошего этот визит, конечно, ему не сулит.

Его позвали, только когда Вера Васильевна собралась уходить, чтобы он попрощался с классной. Генерал подал учительнице плащ, она поблагодарила и, застегивая пуговицы, сказала, обращаясь, главным образом, к Надежде Михайловне:

– Это хорошо, конечно, что мальчик читает. Плохо, что он художественную литературу читает даже на уроках. И вообще, сверхобильное чтение воспитывает безволие.

Потом Вера Васильевна поправила очки и повернулась уже к Владлену Владимировичу:

– Я надеюсь, вы сумеете должным образом воздействовать на Борю. У него есть все данные, чтобы учиться не просто хорошо, но даже отлично. Только для этого нужно себя немножко заставлять. Вы, как человек военный, должны это понимать. Тем более что школа у нас хоть и английская, но требования по остальным предметам – самые обычные, не завышенные... Вот в университетской...

Про «не завышенные требования» Вера Васильевна ввернула, разумеется, намекая на генеральские погоны Глинско-го-старшего. Мол, при ваших-то, товарищ генерал, возможностях вы могли бы отдать сына и в школу при университете. В своей же школе Боря был единственным «генеральским

сынком», да и не просто «генеральским». В те времена о принадлежности к «знати» судили не столько по служебной даче, сколько по наличию на ней телефона. Так вот: на служебной даче генерал-лейтенанта Глинского телефон был. И об этом, разумеется, знала вся школа.

После ухода классной руководительницы в квартире воцарилась нехорошая тишина, которую прорвал шумный выдох Владлена Владимировича:

– Да, сынок, спасибо. Спасибо, что папин авторитет поддержал. Спасибо, родной. Теперь все учителя твоей английской, черт бы ее подрал, школы будут говорить, что у генерала Глинского сын – двоечник. Сбрендивший на книжках урод!

– Влад! – сдвинула брови Надежда Михайловна.

– А что – Влад?! Что – Влад?! Тут света белого не видишь, из командировок не вылезает, думаешь, хоть дома-то... Да! Крепкий, понимаешь, тыл...

У отца бешено задергалось лицо, и Боря даже отшатнулся к стенке, испугавшись. Последнее время нервы у генерала Глинского явно «подсели». Он чаще, чем обычно, повышал голос, раздражался, мог и матом послать. Да и чаще обычного выпивал рюмку-другую за ужином. Борис тогда не знал, что это было связано с трагической гибелью маршала Неделина (того самого, спасшего мать) и еще многих других офицеров и гражданских инженеров. Они погибли при взрыве ракеты на старте – погибли прямо на глазах у Глинского, уцелевшего воистину чудом. Неделин прямо со стартовой площадки отправил Глинского кому-то позвонить. А Боре, конечно, родители об этом ничего тогда не рассказали...

Отец метнулся в комнату и выскочил оттуда с широким потертым офицерским ремнем:

– Выдеру как сидорову козу!!!

До этого отец никогда Бориса не порол, и мальчишка очень испугался. Его страшила не столько физическая боль, сколько страшные, бешеные глаза отца.

– Владлен!

Мать буквально повисла у отца на руке.

– Влад, Владечка... Не надо, не надо...

Владлен Владимирович шумно выдохнул. Выронил ремень и тыльной стороной ладони вытер выступившую на лбу испарину. Мать продолжала его держать за руку и тихонько поглаживала:

– Владушка, Влад... Успокойся, успокойся... Это моя вина, это я недоглядела. Но это ничего. Мы все исправим, все исправим. Да, Боря?

– Да, – сказал Борис, глотая ком в горле. Потом он прерывисто вздохнул и добавил:

– Прости меня, папа... Я не хотел тебя расстраивать... Я просто не подумал.

– Не подумал... – отец понемногу успокаивался и говорил уже почти нормальным голосом, вот только левый глаз у него все еще подергивался: – Не подумал... А надо думать... Ты уже достаточно взрослый, чтобы думать и понимать... Твоя учеба – это еще и моя честь и репутация! Не смей позорить меня, ясно?

– Я постараюсь.

– Постарается он... В общем, так: никаких книжек, пока не исправишь оценки по всем предметам... Там посмотрим... И еще, Надя... Надо отвести его в какую-нибудь спортивную секцию. Раз и по физкультуре он дохлый. Пусть, я не знаю, борьбой, что ли, займется.

– Хорошо, – кротко кивнула Надежда Михайловна, – хорошо, все сделаем, Владичка.

– Ладно, – уже почти совсем остыл генерал. – Иди сюда, сын.

Борис приблизился к отцу, и тот неожиданно обнял его и поцеловал в затылок:

– Ладно, ремень – это так... Нервы. Но! Ты все же натворил делов, а потому заслужил зыскание... Так?

– Ну.

– Не ну, а так точно! – усмехнулся отец. – Ну и как тебя прикажешь наказывать? В угол поставить?